

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82-131

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.272-280

К ВОПРОСУ О «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ» КАК ИСТОЧНИКЕ ПОЭМЫ М.М. ХЕРАСКОВА «РОССИЯДА»

А.И. Завьялова

*Российский государственный архив социально-политической истории,
г. Москва, 125009, Россия*

Аннотация

«Казанскую историю» принято считать одним из литературных источников эпической поэмы М.М. Хераскова «Россияда». В статье рассматриваются причины появления этой гипотезы, ее достоверность. Для поиска взаимосвязи «Россияды» с «Казанской историей» автор не только проводит сопоставительный анализ текстов двух произведений, но и впервые привлекает большее количество источников, повествующих о походе Ивана Грозного на Казань, в результате чего обнаружено, что во многих памятниках встречаются рассказы, очень близкие по содержанию к «Казанской истории». Внимательное ознакомление с разными сохранившимися источниками о событиях 1552 г. и обращение к трудам предшествующих ученых позволили найти новые факты, которые в действительности свидетельствуют, что для создания «Россияды» М.М. Херасков использовал текст «Казанской истории».

Ключевые слова: «Россияда», М.М. Херасков, Казанское царство, «Казанская история», Казань, П.И. Рычков, Сумбека, Аталык, Размысл

На протяжении восьми лет М.М. Херасков работал над созданием эпической поэмы «Россияда» (1771–1779), рассказывающей об одном из самых знаковых событий русской истории – победе Ивана Грозного над Казанским царством в 1552 г. По словам писателя, для построения сюжета поэмы ему пришлось привлечь всевозможные сохранившиеся «печатные и письменные известия» (Рос.) о далеких событиях XVI в. И в действительности текст «Россияды» свидетельствует о том, что ее автор не только брал многие сведения из исторических сочинений XVII – XVIII вв., но и обращался к самим памятникам древнерусской письменности.

Считается, что одним из основных источников «Россияды» была «Казанская история» («Казанский летописец», «История о Казанском царстве») – грандиозное историко-публицистическое произведение XVI в. (КазИст.) Эта точка зрения главным образом была сформирована в исследованиях Г.З. Кунцевича, Ю.Н. Сидоровой и Г.Н. Моисеевой [1, с. 574–588; 2; 3] на основе нескольких фактов.

Во-первых, в XVIII в. «Казанская история» являлась достаточно распространенным сочинением о времени правления Ивана Грозного и прошлом казанской земли – ее списки хранились во многих книжных собраниях и были включены в состав разных летописей. Во-вторых, вполне вероятно, что один из таких списков «Казанской истории» мог быть передан М.М. Хераскову его друзьями – учеными-археографами Г.Ф. Миллером и Н.И. Новиковым. Ведь, например, известно, что в «портфелях» Г.Ф. Миллера находилось несколько рукописей «Казанской истории» (в книге под № 71 «Казанская история, 77 глав», № 72 «История о Казанском государстве, 91 глава», № 74 «История о Казанском царстве до взятия онаго» [4, с. 22]). Отметим и то, что впервые «Казанскую историю» издали в 1791 г. «по двум старинным спискам» (ИюКЦ), относящимся к той самой коллекции древних сочинений, которые принадлежали Г.Ф. Миллеру.

И наконец, предположение о знакомстве М.М. Хераскова с «Казанской историей» возникло в результате сопоставительного изучения текстов поэмы и памятника XVI в. – были обнаружены параллели в сюжетах обоих произведений и случаи одинакового изображения исторических лиц.

Обобщив наблюдения предшествующих исследователей, обратимся еще раз к проблеме древнерусских источников поэмы М.М. Хераскова.

Соотнося тексты «Россияды» и «Казанской истории», Ю.Н. Сидорова и Г.Н. Моисеева главным образом обратили внимание на тему любви, представленную как в древнерусском памятнике, так и в поэме. Как известно, «Казанская история» развернуто повествует о взаимоотношениях царицы Сумбеки с крымским царевичем Кошаком: «Того же царевича Кошака не токмо вси казанстии людие ведяху от своая жены прелюбы со царицею творяща после царя, но и на Москве слышашесе речь та, и во многих ордах. Еще же и злее того – мысляше с нею царевича младаго убити и велмож всех, обличающих его о беззаконии том, и царицу поняти за себе, и воцаритися в Казани. Таково бо женское естество полско ко греху! И никий же бо лютый зверь убивает щенцы свои, и ни лукавая змиа пожирает изчадий своих! Сверстницы же его и велможы возбраняху ему, да престанет от злодеяния того, и убийством прещаху ему. Он же, яко власть имый надо всеми, не смотряше ни на когождо ихъ. Любляше бо его царица и зазираше доброте его, и разжиганми плотскими сердце уязвися к нему всегда, и не можаше ни мало быти без него и не видел лица его, огненными похотми распалаема» (КазИст., с. 352).

В «Россияде» данному фрагменту соответствует отрывок:

Сумбеке агнца он в лице своем явил,
И сердце страстью в ней как жалом уязвил.
Царица пламенной любовью возженна... (Рос., с. 46).

Безусловно, на первый взгляд, такая характеристика Сумбеки в поэме напоминает рассказ автора XVI в. о ней. Однако на самом деле о греховной любви Сумбеки и Кошака, кроме «Казанской истории», сообщают и другие исторические источники. Например, в «Скифской истории» А.И. Лызлова сказано: «Токмо единая царица крепляшесе, и с нею оной предреченный царевич Улан Кошак, иже любодейно живяше с царицею, о чем вси казанцы ведаша» [5, с. 91]. И в «Кратком российском летописце» читаем: «В Казани Царица Сумбек с сыном вдова Сафа-

киреева благосклонна была к Царевичу Кашаку, котораго казанцы не любили, и хотели отдать Российскому войску» [6, с. 31].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что история любви Сумбеки и Кошача, на которую ранее указывали Ю.Н. Сидорова и Г.Н. Моисеева, не является однозначным доказательством заимствования М.М. Херасковым любовного мотива из «Казанской истории».

Сопоставляя «Россияду» с «Казанской историей», исследователи также указывали и на изображение касимовского князя Шах-Али в двух произведениях (из летописных текстов и «Казанской истории») князь известен под именем Шигалей, в «Россияде» он назван Алеем). По мнению Ю.Н. Сидоровой и Г.Н. Моисеевой, положительный образ татарского воина, преданного слуги Ивана Грозного, появился в «Россияде» именно под влиянием повествования автора XVI в.: «Образ хана Шигалея, друга Ивана Грозного, проводника политики сближения с Россией, представлен в поэме Хераскова “Россияда” в близком соответствии с тем, как он обрисован автором “Казанской истории”» [3, с. 221].

Но и здесь, как и в случае с рассказом о Сумбеке и Кошаче, нельзя видеть отсылку лишь к тексту «Казанской истории», ведь не только ее автор придает большое значение исторической личности Шигалея. О верной службе последнего Ивану Грозному и о добром отношении московского царя к нему можно прочесть и в «Царственной книге»: «И Царь к Москве приехал, и Государь Царя пожаловал великим жалованьем; и чего Шигалей просил у Государя в Мещере сел многих, те ему все подавал...» (ЦарКн., с. 218).

Более того, один из самых ярких эпизодов «Казанской истории» – рассказ о попытке Сумбеки убить Шигалея, который также включен М.М. Херасковым в сюжет «Россияды», – представлен и в других текстах. Например, в 1767 г. в Петербурге была издана книга П.И. Рычкова «Опыт Казанской истории древних и средних времен», в которой содержится пересказ основных событий «Казанской истории». В «Опыте Казанской истории...» ученый-краевед поместил и рассказ об отношениях Шигалея с Сумбекой: «В летописи сказуется, что Царица, будучи наполнена зверской лютою и безчеловечия, под видом радости и согласия своего к замужеству за Царя Ших-Алея, послала к нему от себя подарки, а притом изготовленные яствы и питья. Но как Царь, употребляя свою осторожность, дал из того часть собаке, то она тот же час издохла. Потом от нее ж прислана была к нему, яко бы ея собственными руками зделанная сорочка, которую велел он вздеть одному, на смерть осужденному, от чего он тот же час пред всеми упал на землю, и с великим мучением тут же умер» [7, с. 133].

Приведем для сравнения фрагмент «Россияды», в котором говорится о тех событиях:

В едину ночь, Алей стоная продолжает;
Меня и мысль о том как громом поражает;
В едину ночь, когда к спокойствию я прибег,
Когда на одр я свой уединен возлег,
Увидел пред собой невольника дрожаща,
Одежду белую в руках своих держаща,
Котору будто бы трудясь наедине,
Сумбека, в знак любви, отправила ко мне (Рос., с. 191).

Таким образом, рассказ о Шигалее и Сумбеке, возможно, был взят М.М. Херасковым не из «Казанской истории», а из других источников.

Стоит отметить в целом, что изучение взаимосвязи «Казанской истории» и «Россияды» представляет для исследователя непростую задачу. Ведь близкие по своему содержанию рассказы о событиях 1552 г. и их участниках, кроме «Казанской истории», отразились во многих сочинениях, например: в «Царственной» (ЦарКн.) и «Степенной» (КнСтеп.) книгах, в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» (Лет.), в «Истории о великом князе Московском» князя Андрея Курбского (Курбск.). К ним относится и «Троицкая повесть о взятии Казани», найденная А.Н. Насоновым в 1958 г. [8]. Например, одновременно в нескольких текстах имеются сведения об инженерере Розмысле, который совершил подкоп под Казанскую крепость, – его имя встречаем и в «Истории о Казанском царстве» 1791 г. (ИюКЦ, с. 209), и в «Скифской истории» [5, с. 124], и в «Опыте Казанской истории древних и средних времен» [7, с. 153] и др. М.М. Херасков же делает об этом мастере следующее примечание: «Кто сей Розмысл был, в Истории не означено. Некоторые думают, что имя Розмысл означало инженера; но кажется многим бы Розмыслам в том смысле быть надлежало при воинстве, а я ни прежде ни после не нашел такого названия в нашей истории; следственно остаюсь в нерешимости» (Рос., с. 262–263).

Ко многим источникам отсылают и другие эпизоды «Россияды»: описание неудачного похода на Казань войска Ивана Грозного в 1550 г. – повествование о ненастной погоде, настигшей воинов, встречаем в «Казанской истории» (КазИст., с. 336), «Истории о великом князе Московском» (Курбск., с. 14), «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» (Лет., с. 58). Рассказ о том, как казанские жены пытались прельстить русских воинов дорогими нарядами и украшениями содержится в «Казанской истории» (КазИст., с. 448), «Истории о великом князе Московском» (Курбск., с. 39) и др.

Вместе с тем сопоставление текста «Россияды» с разными памятниками о взятии Казани все же позволяет выявить факты, свидетельствующие в пользу того, что «Казанская история» является на самом деле источником поэмы «Россияда». Рассмотрим первый из них.

В «Казанской истории» содержится рассказ об убийстве воеводами московского князя Василия III татарского богатыря Аталыка: «Туту же, наскочивше из войска, избодоша копыи силнаго их варвара Аталыка. Спящу ему в шатре своем з женою своею, на дворе своем упившуся вином, и не успевшу ему скоро от сна воспрянути и возложити на себя пансыря и шлема, ни палицы железныя, ни меча похватити в руку своею, но тако паде на коня своего в одной срачицы и без пояса, и ни обуся, ни плесниц имяше и хотяше во град убежати. И понесе конь его из острога на поле, к реке х Булаку и, аки крилат, конь его реку прелете, а сам он от страха ужасеся и паде с коня своего, и остася на сей стране, а на другой стороне бегаше конь его. И ту, на брезе, убиша Аталыка, похвалнаго воеводу казанского. Наезжал он, злый, на сто человек удалых бойцов, и возмущаше всеми полки рускими и, многих убив, самъ отъезжаше; доезжая и догоняя когождо, мечем своимъ по главе разсецаше надвое и до седла, не удержеваше бо мечь его ни шлема, ни пансыря. И стреляше версты дале в примету, и убиваше птицы и звери или человеки. Величина же его и ширина, аки исполина, очи же

его бяху кровавы, аки у зверя или человекаядца, велики, аки буявола. И бояше бо ся его всякъ человек. Русский воевода или воинъ против его выехати и с нимъ драться не смеяху. От взора его страх наших обдержа» (КазИст., с. 302).

И в поэме М.М. Хераскова есть персонаж по имени Асталон – отважный воевода города Казани:

То Князь был Асталон: он шел горе подобен;
 Сей витязь целый полк един попать удобен,
 Отважен, лют, свиреп сей враг Россиян был,
 Во бранях, как тростник, соперников рубил;
 Пошел в средину он покрыт броней златою,
 И палицей народ раздвинув пред собою,
 Как гласом многих труб, вещал Казанцам он:
 Се в помощь к вам пришел безстрашный Асталон! (Рос., с. 54).

Очевидно, что изображение воеводы в «Россияде» совпадает с его характеристикой в «Казанской истории». Примечательно то, что в обоих произведениях фигура воина весьма необычна – он напоминает храброго героя русских сказок. В данном случае видится влияние на поэму именно древнерусского сочинения.

Обратим внимание также на эпизод в «Россияде», в котором рассказывает о гибели Асталона:

Мгновенно Асталон, как аспид, пробудился;
 Вскочил, заскрежетал, за острый меч схватился;
 Но меч его Сагрун уже в руках имел;
 Смутился Асталон, и на коня взлетел;
 Бронями зашумел, как ветвьистое древо.
 Сагрун разя его, коня ударил в чрево,
 Который бег к брегам Казанским обратил;
 Но рыцарь за власы противника схватил.
 И буйнаго коня сдержать не в силах боле,
 Летел, как молния, на нем к реке чрез поле.
 Конь вихрю бурному подобен в беге был:
 Крутился, ржал, пыхтел, ногами воздух бил;
 И се в полночный час недремлющая злоба,
 В лице Османовом востав из хладна гроба,
 Касаясь облаков, во след врагу текла,
 И пламенным бичем в струи коня гнала:
 Прияв их всех на дно, Казанка зашумела (Рос., с. 244–245).

Такой рассказ о судьбе казанского воеводы не встречается ни в одном источнике о походе 1552 г., за исключением «Казанской истории». В «Опыте казанской истории древних и средних времен» П.И. Рычков пересказывает историю Аталыка, но все же несколько иначе, чем автор «Казанской истории». Приведем отрывок из его сочинения: «В летописи между убитыми казанцами упоминается, что славный и сильный наездник батырь и воевода Асталык князь [в некоторых местах назван он Атул] в самое то время, как означенное кровопролитие чинилось, спал с женою своею в шатре. Узнав же про то вскочил с постели, и не успев одеться, в одной только рубашке, сел на лошадь и с ружьем своим поскакал из острога на поле к реке Булаку. Лошадь разъярившись устремилась прямо в реку; а он от страху упал на землю и остался на берегу, где его

Российские подхвата убили» [7, с. 106]. Можно заметить, что в книге П.И. Рычкова Аталык был вооружен, тогда как в древнерусском произведении, напротив, воевода не успел облачиться в воинские доспехи и взять оружие.

Второй момент, который непосредственно возвращает к тексту «Казанской истории», – это плач Сумбеки у гроба покойного мужа, казанского царя Сафагирея, и прощание царицы с казанской землей. Только автор «Казанской истории» подробно повествует о пленении Сумбеки (КазИст., с. 358–370). «Царственная» и «Степенная» книги, «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» лишь упоминают о печальной судьбе ханши. В «Троицкой повести» подробного описания взятия Казани и вовсе не содержится: «Воеводы же по государеву слову царя Шигалея на Казани посадиша, и казанского царя Аташа с матерью его со царицею Суюнбеке с им ис Казани взяли и к государю к Москве послаша» (ТрПов., с. 514). Отметим, что ранее исследователи не привлекали текст Троицкого сказания о взятии Казани для изучения источников «Россияды».

Важно также подчеркнуть, что в «Россияде» подражание автору «Казанской истории» проявляется не только в изложении исторических событий XVI в., но и в характеристике героев. В «Казанской истории» Сумбека выступает отрицательным персонажем, автор часто называет ее «лютой львицей» (КазИст., с. 350), однако он с сочувствием описывает ее плач у гроба Сафагирея. И в «Россияде», как и в «Казанской истории», отмечается злость и коварство Сумбеки, но, рассказывая о пленении царицы, М.М. Херасков с грустью обращается к читателям:

Но, ах! Какие мне то Музы возвестят,
Какой был стон, тоска, колкое рыданье,
Когда слышала Сумбека о изгнанье?
Печаль ея вещать мне сил недостает;
Помедлим!.. я стену... перо из рук падет (Рос., с. 246).

Кроме того, следование за автором «Казанской истории» в «Россияде» заметно и в изображении самого Казанского царства. В «Казанской истории» столица ханства – «злая ветвь» от «злого древа» (КазИст., с. 276) и в то же время «предивный город» (КазИст., с. 252). Древнерусский книжник с восклицанием говорит: «И кто может град таков стрелами взяти едиными, без пушек, аще не Господь его некако предаст!» (КазИст., с. 322).

И в «Россияде» видится двоякое отношение автора к Казани. Преимущественно она показана враждебным городом:

Сей град, Российскими врагами соруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Подняв главу свою, при двух реках стоит,
Отколе на брега шумящей Волги зрит.
Под тению лесов, меж пестрыми цветами
Поставлен Батыем ко северу вратами,
Через кои в сердце он России выбежал,
Селенья пустошил и грады пожигал (Рос., с. 3).

И в то же время в «Россияде» встречаются строки, где о городе сказано с большим почтением:

Сей град, приволжский град, велик, прекрасен, славен,
Обширностию стен едва Москве не равен... (Рос., с. 264).

Такое неоднозначное отношение к Казани и к магометанам было присуще лишь автору «Казанской истории».

Таким образом, на основании сопоставления текстов «Россиады» и «Казанской истории», а также рассмотрения целого ряда сохранившихся источников о событиях 1552 г. сделаны наблюдения, которые позволяют утверждать, что М.М. Херасков действительно при написании поэмы многие сведения черпал из «Казанской истории». Писатель не только воспользовался некоторыми рассказами древнерусского книжника (плач Сумбеки, гибель воеводы Аталыка), но и перенял само отношение автора «Казанской истории» к событиям и историческим персонажам. И поэтому «Казанскую историю» можно по праву считать важнейшим, хотя и не единственным источником «Россиады».

Источники

- Рос. – *Херасков М.М.* Россиада // Херасков М.М. Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные: в 12 ч. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. – Ч. 1. – 340 с.
- КазИст. – Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 10: XVI в. – С. 252–510.
- ИюКЦ – История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1791. – 263 с.
- ЦарКн. – Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1769. – 347 с.
- КнСтеп. – Книга Степенная царского родословия: в 2 ч. – М: Имп. унив., 1775. – Ч. 2. – 298 с.
- Курбск. – *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. – 194 с.
- Лет. – Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // Полн. собр. русских летописей. – М.; Л.: Наука, 1965. – Т. 29. – С. 9–116.
- ТрПов. – Троицкая повесть о взятии Казани // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 10: XVI в. – С. 510–556.

Литература

1. *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец: опыт историко-литературного исследования. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. – 682 с.
2. *Сидорова Ю.Н.* «Россиада» М.М. Хераскова и «Казанская история» // Литература Древней Руси: Сб. тр. – М., 1975. – Вып. 1. – С. 97–104.
3. *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. – Л.: Наука, 1980. – 264 с.
4. *Голицын Н.В.* Портфели Г.Ф. Миллера. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. – 150 с.
5. *Лызлов А.И.* Скифская история: в 3 ч. – СПб.: Тип. Сухопутного кадетского корпуса, 1776. – Ч. 1. – 166 с.

6. *Ломоносов М.В.* Краткий Российский летописец с родословием. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1760. – 75 с.
7. *Рычков П.И.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1767. – 196 с.
8. *Насонов А.Н.* Новые источники по истории Казанского взятия // Археографический ежегодник за 1960 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 3–26.
9. *Кунцевич Г.З.* «Россиада» Хераскова и «История о Казанском царстве» // Журнал Министерства народного просвещения. – 1901. – № 1. – С. 1–15.

Поступила в редакцию
05.03.2020

Завьялова Анастасия Игоревна, ведущий специалист

Российский государственный архив социально-политической истории
ул. Большая Дмитровка, д. 15, г. Москва, 125009, Россия
E-mail: azavyalowa@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 5, pp. 272–280

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.272-280

**On the Issue of the “Kazan Chronicle”
as a Literary Source of M.M. Kheraskov’s Poem “Rossiada”**

A.I. Zavyalova

Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, 125009 Russia
E-mail: azavyalowa@gmail.com

Received March 5, 2020

Abstract

M.M. Kheraskov’s epic poem “Rossiada” is devoted to the Kazan Siege by Ivan the Terrible. It is based on the works published by Russian historians, as well on facts from the Old Russian manuscripts. One of the main literary sources of the “Rossiada” is the “Kazan Chronicle”, also known as the “Story of the Tsardom of Kazan”, a famous historical and publicistic story of the 16th century. This hypothesis was introduced as a result of the studies by G.Z. Kuntsevich, U.N. Sidorova, and G.N. Moiseeva. In this paper, the authenticity of the hypothesis was considered. Comparative study of the “Rossiada” and different sources about the Kazan Siege was performed. The Old Russian manuscripts and the “Kazan Chronicle” also contain numerous stories about the Kazan Siege. New facts confirming that the “Kazan Chronicle” was used by M.M. Kheraskov to create the plot of his epic poem were discussed: he drew upon some historical facts, such as about the Tartarian princess Söyembikä and the Kazan voivode Atalyk. The writer imitated the attitude of the author of the “Kazan Chronicle” towards the characters. Therefore, the “Kazan Chronicle” turns out to be the most important source of M.M. Kheraskov’s poem, but not the only one.

Keywords: “Rossiada”, M.M. Kheraskov, Tsardom of Kazan, “Kazan Chronicle”, Kazan, P.I. Rychkov, Söyembikä, Atalyk, Razmysl

References

1. Kuntsevich G.Z. *Istoriya o Kazanskom tsarstve, ili Kazanskii letopisets: opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya*. [The Story of the Tsardom of Kazan, or the Kazan Chronicle: A Historical and Literary Research]. St. Petersburg, Tip. I.N. Skorokhodova, 1905. 682 p. (In Russian)
2. Sidorova Yu.N. M.M. Kheraskov's "Rossiada" and "Kazan Chronicle". *Literatura Drevnei Rusi*, 1975, no. 1, pp. 97–104. (In Russian)
3. Moiseeva G.N. *Drevnerusskaya literatura v khudozhestvennom soznanii i istoricheskoi mysli Rossii XVIII v.* [The Old Russian Literature in the Artistic Conscience and Historical Thought of Russia in the 18th Century]. Leningrad, Nauka, 1980. 264 p. (In Russian)
4. Golitsyn N.V. *Portfeli G.F. Millera* [Portfolios of G.F. Miller]. Moscow, Tip. G. Lissnera i A. Geshelya, 1899. 150 p. (In Russian)
5. Lyzlov A.I. *Skifskaya istoriya*. [The Scythian History]. Pt. 1. St. Petersburg, Tip. Sukhoputnogo Kadetskogo Korpusa, 1776. 166 p. (In Russian)
6. Lomonosov M.V. *Kratkii Rossiiskii letopisets s rodosloviem* [Brief Russian Chronicle with Genealogy]. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk, 1760. 75 p. (In Russian)
7. Rychkov P.I. *Opyt Kazanskoi istorii drevnikh i srednikh vremen* [The History of Kazan in the Ancient and Middle Ages]. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk, 1767. 196 p. (In Russian)
8. Nasonov A.N. New sources on the history of the Siege of Kazan. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1960 g.* [Archaeographic Almanac of 1960]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1962. pp. 3–26. (In Russian)
9. Kuntsevich G.Z. Kheraskov's "Rossiada" and "Story of the Tsardom of Kazan". *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya*, 1901, no. 1, pp. 1–15. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Завьялова А.И. К вопросу о «Казанской истории» как источнике поэмы М.М. Хераскова «Россияда» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 5. – С. 272–280. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.272-280. ⟩

⟨ **For citation:** Zavyalova A.I. On the issue of the "Kazan Chronicle" as a literary source of M.M. Kheraskov's poem "Rossiada". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 5, pp. 272–280. doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.272-280. (In Russian) ⟩